

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-289-298

EDN: JFBESK

Научная статья / Research article

Коми-русские языковые контакты по данным печорской фразеологии

И.С. Урманчеева^{ID}

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,

Сыктывкар, Российская Федерация

✉ isurman@rambler.ru

Аннотация. Проблеме финно-угорского влияния на русские говоры Европейского Севера посвящено немало исследований, однако говоры нижней Печоры (речь русского старожильского населения Усть-Цилемского района Республики Коми, несколько веков находившегося в тесных контактах с коми и ненцами) не получили системного описания в свете указанной проблемы. Этим определяется актуальность настоящей работы. Объектом исследования являются фразеологические единицы со словами-компонентами уральского (финно-угорского и самодийского) происхождения. Предмет исследования — семантические, деривационные, образные и экспрессивные особенности компонентов фразеологизмов, анализ которых позволяет подтвердить тесные межъязыковые контакты. Цель исследования — выявление в печорских говорах фразеологических единиц с заимствованными и субстратными словами-компонентами уральского происхождения. Источниками материала послужили диалектные, фразеологические и паремиологические словари говоров нижней Печоры. Проведенное исследование позволяет заключить, что межъязыковые коми-русские контакты способствуют проникновению слов финно-угорского и ненецкого происхождения не только в лексический языковой пласт, но и во фразеологию севернорусских говоров, что свидетельствует о высокой степени их освоения заимствующей субсистемой. Встраиваясь в идиоматику и паремиологию диалекта, они замещают компоненты общерусских фразеологизмов и образуют диалектные варианты, участвуют в создании фразеологических единиц, придающих печорскому говору уникальность и своеобразие.

Ключевые слова: говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, фразеологическая единица, коми заимствования

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2026; принята к печати 05.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Урманчеева И.С. Коми-русские языковые контакты по данным печорской фразеологии // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 289–298. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-289-298> EDN: JFBESK

Komi-Russian Language Contacts in the Data of Pechora Phraseology

Irina S. Urmancheeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation

✉ isurman@rambler.ru

Abstract. The issue of Finno-Ugric influence on the Russian dialects of the European North has been addressed in numerous studies. However, the dialects of the Lower Pechora (the speech of the Russian old-resident population of the Ust-Tsilemsky District of the Komi Republic, which for several centuries was in close contact with the Komi and the Nenets) have not yet received a systematic description in light of this problem. This determines the relevance of the study, the object of which is phraseological units with word components of Ural (Finno-Ugric and Samoyedic) origin, and the subject is semantic, derivational, figurative and expressive features of the components of phraseologisms, the analysis of which allows us to confirm close interlanguage contacts. The purpose of the article is to identify phraseological units with borrowed and substrate words-components of Ural origin in Pechora dialects. The sources of the material were dialect, phraseological and paremiological dictionaries of the dialects of Lower Pechora. The study allows us to conclude that inter-language Komi-Russian contacts contribute to the penetration of words of Finno-Ugric and Nenets origin not only into the lexical language layer, but also into the phraseology of North Russian dialects, which indicates a high degree of their development by the borrowing subsystem. Integrating into the idiomatics and paremiology of the dialect, they replace the components of all-Russian phraseologisms and form dialect variants, participate in the creation of phraseological units that give the Pechora dialect uniqueness and originality.

Key words: dialects of the Lower Pechora, Pechora phraseology, phraseological unit, Komi borrowings

Article history: received 14.01.2026; accepted 05.04.2026.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

For citation: Urmancheeva, I.S. 2026. Komi-Russian Language Contacts in the Data of Pechora Phraseology. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 289–298. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-289-298> EDN: JFBESK

Введение

Славяне на территории современного Севера России не были доминирующим народом, русские переселенцы встречались с разными этническими группами, принадлежавшими к финно-угорской и самодийской семьям (саамы, вепсы, карелы, коми-пермяки, ненцы, коми-зыряне). Бассейны Выми и Вычегды заселяли коми, которые в XV в. распространились в верховьях Мезени и Удоры, а в XVI в. начали осваивать земли далее на северо-восток вдоль берегов Ижмы, Печоры, Вишеры [1. С. 7].

Письменные источники свидетельствуют о появлении русского народа в бассейне Печоры в XII–XVI вв. Начало формирования группы русского старожильского населения Республики Коми с самоназванием «устыцилёма» приходится на середину XVI в. Предположительно устыцилемы принимали участие в формировании самой северной группы коми — коми-ижемцев. В период между 1568 и 1585 гг. в пределах устыцилемских территорий на р. Ижме

(притоке Печоры) была основана Ижемская слобода, которая долгое время являлась единственным населенным пунктом коми на нижней Печоре. В результате длительного межэтнического смешения и этнокультурного взаимовлияния у ижемцев возник особый ижемский диалект языка коми с существенными заимствованиями в лексике из русского и ненецкого языков [2. С. 135–137].

Население печорского края было смешанным, коми-русским, тем не менее большинство жителей осознавали себя русскими, то есть «русское самосознание (и, следовательно, язык) преобладало, несмотря на сложное этническое происхождение переселенцев» [3. С. 79–83]. Жители нижней Печоры могли брать жен из «зырянок», вследствие чего многие устьицелемы были двуязычны [Там же. С. 83]. К XV–XVIII вв. относят возникновение печорских говоров, островное положение которых способствовало их внутрисистемному развитию в условиях межэтнических контактов. Опыт общения русских с финно-угорскими народами обернулся тем, что на всех языковых уровнях севернорусских говоров обнаруживаются многочисленные заимствования и субстратные элементы прибалтийско-финского, саамского и коми-зырянского происхождения [4. С. 183].

Проблема финно-угорского влияния на русские говоры Европейского Севера довольно подробно изучена в современных исследованиях, обзор литературы представлен в [4–6] и др., собственно печорским говорам посвящены работы [7–9]. В то же время Г.В. Федюнева отмечает, что «говоры Нижней Печоры, несколько веков находившиеся в тесных контактах с финно-угорским (в значительной степени коми) языковым континуумом, с этой точки зрения не получили системного описания» [8. С. 173]. Фразеологические единицы (ФЕ) говоров низовой Печоры с компонентами финно-угорского (в том числе коми) и ненецкого происхождения до настоящего времени комплексно не исследованы. В то же время нельзя не признать, что финно-угорские заимствования проникают не только в лексическую систему, но и во фразеологию. По мнению Е.В. Мариновой, «участие иноязычного слова во фразеологической деривации является, наряду со словообразовательной активностью и способностью к развитию полисемии, одним из показателей успешного освоения слова и укоренения его в системе заимствующего языка» [10].

Цель исследования — выявление в говорах низовой Печоры фразеологических единиц со словами-компонентами уральского (финно-угорского и самодийского) происхождения, сам факт проникновения которых во фразеологию говоров Русского Севера свидетельствует о тесных межэтнических контактах.

Большинство фразеологических единиц, рассмотренных в настоящей статье, приводится по «Фразеологическому словарю русских говоров Нижней Печоры» Н.А. Ставшиной¹ и сборнику «Фольклор Усть-Цильмы: пословицы, поговорки, присловья» Т.И. Дроновой [11]. Отдельные фразеологизмы приво-

¹ Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 томах / сост. Н.А. Ставшиная. Санкт-Петербург : Наука, 2008.

дятся по «Словарю русских говоров Низовой Печоры»² (по нему же, как правило, даются значения компонентов-диалектизмов) и «Фразеологическому словарю русских говоров Республики Коми» И.А. Кобелевой³. Дополнительные ссылки на эти словари не делаются.

Результаты и обсуждение

В речи нынешнего старожильческого населения Печорского бассейна обнаруживаются разные по времени и происхождению лексические пласты. Г.В. Федюнева отмечает лексику прибалтийско-финского, саамского, мансийского и в наибольшей степени — коми (пермского) происхождения [8]. Во фразеологию говоров нижней Печоры эти иноязычные слова проникают в качестве освоенных субстратных и заимствованных элементов, появившихся в диалектной системе благодаря коми-русским контактам.

Отдельные фразеологизмы с компонентами финно-угорского происхождения описаны в монографии автора статьи [12], посвященной диалектным вариантам фразеологических единиц говоров низовой Печоры: как **кычко** на сене лежать «и самому не пользоваться чем-то, и другим не давать» (ср. общерус. как **собака** на сене); **шаньгу** маслом не испортишь (ср. **кашу** маслом не испортишь); как **зельдей** в бочке «о большом количестве людей на какой-то небольшой площади» (ср. как **сельдей** в бочке).

В приведенных фразеологизмах, которые, несомненно, являются трансформированными вариантами общерусских оборотов, употребляются компоненты **кычко** (от коми **кычи**, **кычан** «щенок»⁴), **шаньга** «лепешка из ячменной, ржаной, пшеничной муки с незагнутыми краями и открытой начинкой» (слово широко представлено в севернорусских и сибирских говорах, но, по одной из версий, в русский язык оно попало из коми языка [1. С. 317–319]), **зельдь** «род мелкой сельди в устье р. Печоры, ряпушка беломорская» (проникло из соседних коми диалектов, однако не исключена возможность, что коми **зельдь**, в свою очередь, — более древнее заимствование из русск. **сельдь** [13. С. 116]).

В отличие от слова **зельдь**, которое попало в ФЕ как **зельдей в бочке** в результате паронимической аттракции и в других устойчивых выражениях не встречается, лексемы **кычко** и **шаньга** употребляются в идиомах и паремиях, которые, по данным словарей, не обнаруживают себя в других диалектных системах: **был кычко, да откычкался**; **кычка не на что выкликать**⁵ «о крайней

² Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 томах / под ред. Л.А. Ивашко. Санкт-Петербург : Филолог. ф-т СПбГУ, 2003.

³ Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004.

⁴ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 155.

⁵ В варианте **кычко не на что выкликать** (презрит.) встречается в с. Лойма Прилузского района Республики Коми: Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. С. 113.

бедности»; *бажёная шанежка (шанюжка)* «красивая, здоровая женщина или девочка», (ласк.) «балованное, любимое дитя»; *доедай (ешь, кушай)*, <кумушка (кума)>, *девятую шанежку* (шутл.) «о людях, съевших много и наевшихся досыта, но через силу доедающих то, что на столе осталось»; (шутл.) «о скуповатом хозяине, приглашающем гостя к столу, но зорко следящем за тем, сколько он съест»; *шаньга брюхе не мешает* (шутл.) «лишнего съесть не вредно»; *шаньги в печь(ць), а сама в нижний конец(ч)* (неодобр.) «о нерадивой хозяйке»; *шаньгой по губам* «выражение отказа кому-то в чем-нибудь»; *кислы шаньги* — *не еда, старой девке замуж не хода*. Это свидетельствует о глубокой укорененности слов коми происхождения в говорах низовой Печоры и — шире — в других русских говорах Республики Коми, Северо-Запада и Северо-Востока. О высокой степени освоенности подобных слов свидетельствует употребление во фразеологизмах их словообразовательных дериватов — *откычкался, шанежка, шанюжка* — и вовлечение данных слов и реалий, обозначаемых ими, в эмоциональную сферу печорца в результате закрепления за этими словами и фразеологизмами с их участием эмоционально-оценочных компонентов — ласкательных, неодобрительных, шутливых, презрительных.

Как отмечает Л.С. Кривошекова-Гантман, исследовавшая коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья, из коми языка воспринимались слова, которые «нужны были русским крестьянам для обозначения новых для них понятий, отражающих отдельные детали окружающей местности, особенности флоры и фауны, одежды и обуви, посуды и т. д. Весьма важными словами для русских были также различные географические названия (рек, озер, поселений, гор, возвышенностей, лесов, дорог и др.)» [14. С. 47]. Все это в равной степени относится и к финно-угорским заимствованиям в русские говоры нижней Печоры. Поэтому субстратные слова входят в составные наименования, выполняющие номинативную функцию. Например, лексикализованные сочетания *белая ера* и *красная ера* включают коми слово *ера* «карликовая береза», которое, по замечанию С.А. Мызникова, в Запечорском крае является общим названием разных пород ивы [1. С. 37–38]. Лексемы коми происхождения легко встраиваются в устойчивые обороты ввиду отсутствия для русскоговорящего человека внутренней формы или с целью дифференциации уже названных понятий: *запирать/запереть висуку* «ставить поперек реки (ручья и т. п.) сеть или другой рыболовецкий снаряд»; *обловить висуку* «ловить рыбу в устье небольшой реки» и «перегородить рыболовной сетью небольшую речку»; *обметать висуку* — «поставить сеть для ловли рыбы в небольшой реке, протоке» (*виска* — небольшая речка, соединяющая два водоема, проток, от коми *vis(-к-)* 1) проток, канал (соединяющий озеро с рекой), 2) загородка в протоке (для вылова рыбы)⁶.

⁶ Большой коми-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?searchtype=1&searchtype2=1&word=киса&lang=> (дата обращения: 21.07.2025).

Но гораздо чаще заимствованные компоненты встраиваются во фразеологические единицы, подвергаясь десемантизации и образному переосмыслению. Северные реалии, предметы рыболовного и охотничьего промысла, оленеводства послужили образной основой для ФЕ: *как кулёма* (неодобр.) «о неряшливо одетой женщине» (*кулёма* — ловушка для медведя, для мелкого пушного зверя, из коми⁷); *как няча* «о плохо пропеченном хлебе» и «о поникшем, расстроенном человеке» (*няча* — глина; жидкая грязь; ил, из коми⁸); *всё богатство — поплавки да кибасье* (*кибасье* — грузило из бересты в виде треугольника с камнем внутри, из финского⁹).

Многократное использование компонентов финно-угорского происхождения во фразеологических оборотах, с разной степенью переосмысления, свидетельствует о полном вхождении и слова и реалии в язык и повседневную жизнь русских переселенцев: *не по две морошки на ложку* «не спеша, не торопясь (есть)»; *морошка не воложка, воложка — коровушка* «физически работающему человеку трудно поддерживать жизнь одной растительной пищей, ему нужны продукты животного происхождения»; *морошка не наеда* «морошкой не насытишься»; *морошка любит ножки* «о трудоемком процессе сбора морошки» (несмотря на фонетические трудности, финно-угорское происхождение названия этой северной ягоды М. Фасмер считает вероятным¹⁰); *как чуна* «об очень худом, высоком человеке»; *как чуну тянуть* «сутулиться, идти сгорбившись» (*чуну* — легкие длинные узкие охотничьи сани, обычно считают заимствованием из саамского¹¹).

Многие компоненты, становящиеся частью фразеологизмов, представляют собой экзотизмы: *шаньга*, *кибасье*, *чуну*, *кулёма*. В русских говорах они становятся этнографизмами, поскольку, как правило, обозначают реалии — одежду, обувь, жилища, — не распространившиеся далее северных территорий, Урала, Сибири: *ума, как у старого пима* (пренебр.) «о недалеком человеке независимо от возраста»; *старый пим* — добродушно-снисходительное отношение к старому человеку; *подь ты в дырявый пим* — (досад.) «иди прочь» (*пими* — высокая обувь из шкуры оленьих ног¹², иж¹³. < ненецк.¹⁴); *катанцы до хреста, а малица до хвоста* — «о нерадивости»; *та же малица, только на левую сторону* (*малица* «верхняя одежда из оленьих шкур

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах. Санкт-Петербург : Терра — Азбука, 1996. Т. 2. С. 409–410.

⁸ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1999. С. 202.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. С. 227, 229.

¹⁰ Там же. С. 658.

¹¹ Там же. Т. 4. С. 383.

¹² Большой коми-русский словарь. URL: <https://dict.fulab.ru/pagesearch?searchtype=1&searchtype2=1&word=киса&lang=> (дата обращения: 21.07.2025).

¹³ Ижемский диалект коми-зырянского языка.

¹⁴ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 221.

мехом внутрь» < ненецк.¹⁵); *тюнь да уледь* (презр.) «похожие в каком-либо отношении люди» (*уледи* «невысокая кожаная обувь» < *улеги* (арх., волог., перм.) < фин.¹⁶); *в куропачьем чуму ночевал* (шутл.) «о заблудившемся человеке» (*чум* — вотяцкое жилье, считается заимствованием из коми, удм.¹⁷).

Ввиду неземледельческого уклада исследуемых этнических групп зооморфные образы можно считать преобладающими в печорской фразеологии. Например, изможденных, тощих людей называют через соотнесение их с животными без шкуры или со шкурой, лишившейся меха, шерсти: *как ровдуга* — о худом человеке, *голее ровдуги стать* — очень похудеть (*ровдуга* — 1) вытершаяся, без меха, оленья шкура, 2) не покрытая шерстью часть шкуры овцы, из саам.¹⁸); <как> *сухая раушка (куреньга)* — кто-либо худой, сухой, тощий; говорится обычно о женщине, иногда о животном (*равушка (раушка)* — 1) тушка небольшого пушного зверька, с которого снята шкура, 2) шкурка пушного зверька, из карельск.¹⁹; *куреньга* — ободранная тушка пушного зверька, из приб.-фин. языков²⁰). Образ рыбы, интенсивно шевелящей жабрами, лег в основу оборота со значением «ругаться, раздуваясь от злости» — *ширить шаглы* (*шаглы* — жабры рыбы < карельск.²¹).

Среди зоосемантических компонентов в составе ФЕ можно выделить и вполне универсальные, не связанные с северной спецификой, что свидетельствует не только об обмене, вызванном прагматической необходимостью, но и о естественном взаимопроникновении слов повседневного использования. К числу подобных фразеологизмов можно отнести: *долгоязыкая балька* (неодобр.) «излишне разговорчивый, болтливый человек»; *как балец на Масленке собирать* (шутл.) «очень громко (говорить)» (*баля* — овца; направление заимствования (русский — коми) не совсем ясное: Калима считает русское слово заимствованием из коми языка, Фокош и Матвеев полагают, что коми заимствовали его из русского языка; в коми языке слово встречается во всех диалектах и имеет ряд производных значений²²); *мырку высунуть, мырку (морду) задирать* «зазнаваться, важничать, переставать считаться с другими» (*мыра, мырка* — «передняя часть головы животного, рыбы», экспр. «о лице человека» < коми *ныр* «нос»²³).

В редких случаях в печорской фразеологии находят отражение коми варваризмы и иноязычные вкрапления: *какие мамысы, такие и немысы* — «ник-

¹⁵ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 169.

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 158.

¹⁷ Там же. С. 381.

¹⁸ Там же. Т. 3. С. 488.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 428.

²⁰ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 146–147.

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 394.

²² Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 36–37.

²³ Большой коми-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?searchtype=1&searchtype2=1&word=киса&lang=> (дата обращения: 21.07.2025).

чемные родители, никчемные и дети; в детях повторяются недостатки, пороки их родителей, говорится с осуждением» (*нем* — коми местоимение «ничто, ничего»²⁴ < доперм.²⁵); *мунам пешам* — (ирон.) «иди пешком» (*мунны* — ‘идти, ехать, двигаться’, *мунам* — 1 л. мн. ч. (например, *ми мунам* — *мы идем*)).

Заключение

Диалектная фразеология является неоспоримым источником сведений, подтверждающих межъязыковые контакты разных этнических групп. Проникновение элементов неисконного происхождения в знаковую систему, являющуюся вторичной по отношению к лексической, свидетельствует о высокой степени освоения и осмысления языковых единиц и денотатов, обозначаемых ими. Признаками глубокой освоенности иноязычных элементов можно признать:

1) включение в состав фразеологизмов словообразовательных и семантических дериватов (*откычкался*, *шанежка*, *шанюжка*, *балька*, *немысы*, *кибасье*, *куреньга* «истощенный, худой человек»), фонетически модифицированных компонентов (*мыра*, *мырка* < коми *ныр*; *уледи* < фин. *улеги*);

2) вовлечение заимствованных компонентов в сферу чувств и эмоций диалектоносителя, использование для оценочной характеристики окружающего мира, но прежде всего человека (*как кулёма*, *как няча*, *как ровдуга*, *как сухая раушка*, *старый тим*).

Займствования уральского происхождения — коми, удмуртские, карельские, финские, саамские, ненецкие — проникли в русскую (печорскую) фразеологию преимущественно благодаря коми-русским контактам, поддержанным в отдельных случаях двуязычием жителей Печорского (угольного) бассейна. Как правило, это слова, обозначающие особенности местной флоры и фауны, отдельные детали рельефа, предметы рыболовного и охотничьего промысла, оленеводства, одежду и обувь, жилища и домашнюю утварь, средства передвижения.

С лингвистической точки зрения неисконные элементы в составе печорских фразеологизмов можно охарактеризовать как иноязычные вкрапления и варваризмы (*мунам*), экзотизмы, ставшие этнографизмами в системе русского говора (*шаньга*, *кибасье*, *чуна*, *кулёма*, *тимы*, *чум*, *малица*, *чуна*), собственно займствования, встроившиеся в синонимический ряд исконных и ранее заимствованных слов или являющиеся единственной номинацией денотата, распространившегося за пределы региона (*баля*, *ера*, *виска*, *кычко*, *морошка*).

Несомненно, именно финно-угорские компоненты, проникшие в состав устойчивых оборотов, придают печорской фразеологии своеобразие и уникальность, требующие дальнейшего изучения.

²⁴ Большой коми-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?searchtype=1&searchtype2=1&word=киса&lang=> (дата обращения: 21.07.2025).

²⁵ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 187.

Список литературы

1. Мызников С.А. Атлас субстандартной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. Санкт-Петербург : Наука, 2007.
2. Шабает Ю.П., Дронова Т.И., Шаранов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и устьицилемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134–151. EDN: MVKWQN
3. Бернштам Т.А. Былины на Печоре // Свод русского фольклора. Т. 1 : Север Европейской России. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 79–145.
4. Гайдамашко Р.В. О севернорусской лексике финно-угорского происхождения в пермских говорах (на материале тематической группы «Ландшафт») // Севернорусские говоры. 2012. № 12. С. 181–205. EDN: TPXQUV
5. Зверева Ю.В. Лексика коми-пермяцкого происхождения в «Словаре русских говоров севера пермского края» // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012. № 16. С. 103–110. EDN: TCGHPP
6. Мызников С.А. О лексике коми происхождения в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Санкт-Петербург : Наука, 2010. С. 298–303. EDN: UNZZBP
7. Тенегин А.Н. Новые данные о местных географических терминах иноязычного происхождения в русских говорах нижней Печоры // Вопросы ономастики. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1976. Вып. 11. С. 85–93.
8. Федюнева Г.В. Финно-угорские заимствования в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» // Вторые Мяндинские чтения. Сыктывкар : Кола, 2011. С. 173–179.
9. Ильина Ю.Н. Заимствованная лексика говоров Низовой Печоры как отражение семиотической оппозиции 'свой/чужой' // Рябининские чтения — 2011. Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 485–487.
10. Маринова Е.В. Иноязычное слово как компонент новых фразеологических единиц // Вестник ННГУ. 2008. № 4. URL: kyberleninka.ru/article/n/inoyazychnoe-slovo-kak-komponent-novykh-frazeologicheskikh-edinit (дата обращения: 05.07.2025). EDN: JZBNBZ
11. Фольклор Усть-Цильмы : пословицы, поговорки, присловья / сост. Т.И. Дронова. Сыктывкар : Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 2004. 180 с.
12. Урманчеева И.С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры : монография. Москва : ФЛИНТА, 2024. 150 с. EDN: SVVOEZ
13. Герд А.С. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. 1970. Вып. 1. С. 108–117. EDN: VJTSIJ
14. Кривошекова-Гантман Л.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. 1981. Вып. 2. С. 46–62.

References

1. Myznikov, S.A. 2007. *Atlas of subprime and borrowed vocabulary of Russian dialects of the North-West*. St. Petersburg: Nauka publ. (In Russ.)
2. Shabaev, Y.P., T.I. Dronova, and V.E. Sharapov. 2010. "The Izhma Komi, Pomor, and UstTsilema: Patterns of Cultural Transformations." In *Ethnographic Review*, no. 5, pp. 134–151. (In Russ.) EDN: MVKWQN
3. Bernshtam, T.A. 2001. "Bylins on Pechora." In *Code of Russian folklore*. St. Petersburg: Nauka, pp. 79–145. (In Russ.)
4. Gaidamashko, R.V. 2012. "On the North Russian vocabulary of Finno-Ugric origin in Perm dialects (based on the material of the thematic group 'Landscape')." In *North Russian dialects*, no. 12, pp. 181–205. (In Russ.) EDN: TPXQUV

5. Zvereva, Yu.V. 2012. "Vocabulary of Komi-Permyak origin in the Dictionary of Russian dialects of the north of the 'Perm Territory'." In *Problems of socio-and psycholinguistics*, no. 16, pp. 103–110. (In Russ.) EDN: TCGHPP
6. Myznikov, S. A. 2010. "On the vocabulary of Komi origin in North Russian dialects." *Lexical atlas of Russian folk dialects*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 298–303. (In Russ.) EDN: UNZZBP
7. Tenegin, A.N. 1976. "New data on local geographical terms of foreign language origin in Russian dialects of lower Pechora." In *Onomastics*. Sverdlovsk: Ural Publishing House University, no. 11, pp. 85–93. (In Russ.)
8. Fedyuneva, G.V. 2011. "Finno-Ugric borrowings in the 'Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora'." In *Second Myandinsky readings*. Syktyvkar: Kola publ., pp. 173–179. (In Russ.)
9. Ilyina, Yu. N. 2011. "Borrowed vocabulary of the dialects of the Lower Pechora as a reflection of the semiotic opposition 'friend/foe'." In *Ryabinin readings — 2011*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 485–487. (In Russ.)
10. Marinova, E.V. 2008. "Foreign word as a component of new phraseological units." In *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University*, no. 4, 5 Jul. 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnoe-slovo-kak-komponent-novyh-frazeologicheskikh-edinit> EDN: JZBNBZ
11. *Folklore of Ust-Tsilma: proverbs, sayings, sayings*. 2004. Compiled by T.I. Dronova. Syktyvkar: Komi publishing house of scientific center UrO RAS publ. (In Russ.)
12. Urmancheeva, I.S. 2024. *Dialect variants of common Russian phraseologisms in dialects of the Lower Pechora*. Moscow: FLINTA publ. Web. (In Russ.) ISBN 978-5-9765-5489-4 EDN: SVVOEZ
13. Gerd, A.S. 1970. "From the history of the Pechora names of fish." In *North Russian dialects*, no. 1, pp. 108–117. (In Russ.) EDN: VJTSIJ
14. Krivoshchekova-Gantman, L.S. 1981. "Komi-Permyak borrowings in Russian dialects of the Upper Kama region." In *Etymological research*, vol. 2, pp. 46–62. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Урманчеева Ирина Серафимовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Российская Федерация, Республика Коми, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55. ORCID: 0000-0001-6376-1059; eLibrary SPIN-код: 1563-6446. E-mail: isurman@rambler.ru

Bio note:

Irina S. Urmancheeva is a Candidate of Philological Sciences, Associated Professor of the Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6376-1059; eLibrary SPIN-code: 1563-6446. E-mail: isurman@rambler.ru